

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.4

МЕЖПОКОЛЕННЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: КОНФЛИКТ ИЛИ НОВАЯ ФИГУРАЦИЯ?

В.З. Шурбе

Новосибирский государственный
технический университет

v.z.shurbe@mail.ru

Автор анализирует возможности и ограничения конфликтной парадигмы в объяснении особенностей межпоколенных взаимодействий, рассматривает межпоколенные взаимодействия как форму социальной организации и как новую фигурацию, характеризует поколение как систему взаимосвязанных и взаимозависимых интеракций (взаимодействий), обосновывает формирование полифигуративного типа культуры, анализирует эмпирические данные для аргументации формулируемых положений.

Ключевые слова: поколение, межпоколенные взаимодействия, межпоколенный конфликт, полифигуративный тип культуры.

Социальные взаимодействия являются механизмом, образующим общество. Этот механизм обладает всепроникающими и всеохватывающими свойствами. Теоретическая и эмпирическая интерпретация и операционализация социального взаимодействия по-прежнему не завершена в силу сложности этого процесса и неоднозначности его толкования в научных дискуссиях. Межпоколенные взаимодействия относятся к «мощным социальным процессам» (Р. Коллинз), потому что они являются первичными во всей «паутине» социальных связей. Человек с мгновения своего рождения осваивает все многообразие социальных связей прежде всего через межпоколенные взаимодействия.

В социологии межпоколенные взаимодействия нередко представляются и изучаются как конфликт поколений, который

«происходит всегда, в любую историческую эпоху, у всех народов... В какой-то момент взросления молодые люди противопоставляют себя старшему поколению»¹. А.С. Запесоцкий подчеркивает закономерность и необходимость конфликта между поколениями, рассматривает его как механизм общественного развития. В работах М.В. Вдовиной обнаруживаем, что конфликты возрастают тогда, когда старые формы социальных отношений утрачивают былую целесообразность и возникает потребность общества в новом образе жизни. Исследователь подчеркивает, что такой конфликт играет как прогрессивную, так и регрессивную роль для семьи и общества².

¹ Запесоцкий А.С. Отцы и дети: конфликт поколений. Социализация. Молодежная субкультура. – СПб.: СПбГУП, 2006. – С. 10.

² Вдовина М.В. Регулирование межпоколенного конфликта в российской семье: моно-

Взросление, примеривание взрослых ролей, «взрослое» поведение, действия и поступки, принятие решений и ответственности – естественный социоприродный механизм и процесс. Естественность этого механизма и процесса предполагает и предопределяет смену каких-то ценностей, смыслов, культурных форм, повседневных и, в конечном счете, социальных практик и их замену на адекватные времени, социокультурному контексту жизни. Если межпоколенные отношения рассматривать как статичность, то применение конфликтной парадигмы становится неизбежным. Но межпоколенные отношения – это взаимозависимое и взаимосвязанное непрерывное взаимодействие. А взаимодействие – это многомерный процесс, обусловленный множеством действий – обобщенных, типовых, особенных, единичных, а то и эксклюзивных. Как и любой процесс, межпоколенные взаимодействия обладают свойством изменчивости. Внутренне этот процесс связан с личностными характеристиками взаимодействующих индивидов, с культурными образцами, но в то же время он независим от систем личности, культуры и организма. Независимость системы социальных отношений – межпоколенных – «становится наиболее очевидной, когда на первый план выступают требования интеграции»³. Межпоколенные взаимодействия – это целостный процесс, это в определенной степени независимая система социальных отношений.

графня. – М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2009. – С. 82.

³ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / пер. с англ., фр., нем., итал.; сост. и общ. ред. С.П. Биньковской // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. – М: Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 2. – С. 6.

Так, Т. Парсонс определяет общество как особый вид социальной системы и рассматривает ее «как одну из первичных подсистем системы человеческого действия наряду с такими подсистемами, как организм, личность и культура». Системы социальных отношений, по Парсонсу, внутренне предрасположены к конфликту и дезорганизации. В свою очередь, предрасположенность является латентным индикатором проблемы порядка в обществе. Таким образом, наделять именно межпоколенные отношения конфликтностью или рассматривать их через призму конфликтов – теоретически и особенно эмпирически непродуктивно. Предрасположенность к конфликту и дезорганизации следует рассматривать как естественное свойство изменчивости социальной системы. В условиях многообразных мощных информационных потоков (система кибернетический отношений – по Парсонсу) межпоколенные взаимодействия претерпевают естественные изменения, но с большей интенсивностью, изменяющимся многообразием и многообразными изменениями.

Многочисленные примеры «межпоколенного конфликта» не подтверждают самого конфликта, но лишь доказывают, что межпоколенные взаимодействия – форма социальной организации, которая «в процессе развития и приспособления» обладает «все большими адаптивными возможностями» и менее подвержены «воздействию частных, случайных причин, вызванных либо специфическими физическими явлениями, либо личностными различиями». Примеры моделей семей, многообразных проявлений противоречий и частных конфликтов между представителями различных поколений (даже молодежные бунты и революции. Ведь бунтующая часть мо-

лодежи – это не вся молодежь!) лишь подтверждают вывод Т. Парсонса относительно социальных систем: «В более развитых обществах диапазон различий между личностями может даже расширяться, в то время как структуры общества и происходящие в нем процессы становятся все менее зависимыми от особенностей индивидов»⁴. Аналогичный вывод находим у Р. Коллинза: «Мощные социальные процессы обладают удивительной силой, подавляющей более слабый процесс вроде кратковременной рефлексии»⁵. Тогда конфликт можно рассматривать как кратковременную рефлексию.

Для иллюстрации вышеизложенных аргументов по поводу того, что конфликтная парадигма в интерпретации межпоколенных отношений не проясняет сути самого конфликта и тем более содержания межпоколенных взаимодействий, воспользуемся некоторыми данными эмпирических исследований (выборка данных из всего массива информации осуществлялась целевым способом – отобраны только те вопросы и ответы респондентов, которые касаются «конфликта поколений»⁶). При этом будем руководствоваться концептуальными идеями аналитического теоретизирования Дж. Тернера, который акцентировал внимание на том, что позитивизм (по О. Конту) «означает использование теории для интерпретации эмпирических событий, и, на-

оборот, опору на данные наблюдений для оценки правдоподобия теории»⁷.

Воспользуемся эмпирическими данными, полученными в ходе анкетного опроса молодежи Новосибирской области⁸ для того, чтобы выяснить мнения молодых людей о «наличии» конфликта между поколениями.

Один из вопросов был сформулирован так: «Считаете ли Вы, что в нашем обществе существует конфликт поколений?». Ответы были следующими. Утвердительно – «да» – ответили 59 % молодых людей в возрасте от 16 до 23 лет и 50 % – от 24 до 32 лет. «Нет» сказали и затруднились дать ответ – 40 % и 39 % соответственно. Однако следует подчеркнуть, что ни первый вариант ответов и его значения, ни второй не дают пояснений, что подразумевается в данном случае молодыми людьми под «конфликтом поколений» и каково содержание этого конфликта. Кто его субъекты? Кто инициаторы? Есть ли у этих конфликтов повод и должен ли он быть или конфликт перманентен? Следует также под-

⁷ Тернер Дж. Аналитическое теоретизирование / пер. с англ., фр., нем., итал.; сост. и общ. ред. С.П. Биньковской // Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 2. – С. 195.

⁸ В статье использованы результаты анкетного опроса, проведенного по стандартной методике в конце 2007 г., в котором приняли участие молодые люди в возрасте от 16 до 32 лет (респонденты были разделены на две возрастные группы: первая – от 16 до 23 лет, вторая – от 24 до 32 лет; репрезентативная выборка составила 1654 чел. Приводятся процентные доли от числа ответивших на вопросы) См.: Вершинина Н.Н., Кукса А.П., Михеев С.А., Шурбе В.З. Инновационный потенциал молодежи (на примере Новосибирской области): Альбом социологической информации: Отчет по результатам 1-го этапа социологического исследования по заказу Управления по делам молодежи Новосибирской области. – Новосибирск: ООО «Граунд», 2007. – 414 с.

⁴ Там же. – С. 11.

⁵ Коллинз Р. Социология: наука или антинаука? / пер. с англ., фр., нем., итал.; сост. и общ. ред. С.П. Биньковской // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 2. – С. 276.

⁶ «Конфликт поколений» – устоявшийся термин в научной и повседневной лексике. Однако этот термин вызывает некоторое «смущение» и требует уточнения: речь идет о конфликте внутри поколения или о конфликте между поколениями?

черкнуть, что задавая подобные вопросы, исследователи не могут сказать: под конфликтом одно и то же или же разное подразумевают ответившие, что «конфликт есть» и ответившие, что «конфликта нет»? Как видим, утверждение «одной стороной» (молодыми людьми) о наличии конфликта или его отсутствии еще не является основанием утверждать, что конфликт как таковой существует. А не является ли артикуляция конфликта и исследователями и исследуемыми способом отстранения и тех и других от более сложных, латентных процессов? Не является ли «межпоколенный конфликт» неким «ритуальным заклинанием» в социально-гуманитарных науках? Множество вопросов, которые порождает только один вопрос анкеты и его варианты ответов, сформулированные в количественной стратегии исследования, свидетельствуют о том, что даже репрезентативная выборка не позволяет проинтерпретировать и сами ответы, и исследуемую проблему.

Вопрос: «Считаете ли Вы, что старшее поколение оставило Вас с Вашими проблемами наедине?» можно рассматривать как контрольный по отношению к предыдущему вопросу и «подтвердить» или «опровергнуть» мнение о наличии конфликта между поколениями. Полностью согласились с этим высказыванием и ответили «да» 12 % молодых людей в возрасте до 24 лет и 13 % – от 24 лет и старше. «Отчасти» согласны 32 и 38 % соответственно и «нет» ответили 54 % респондентов до 24 лет, 47 % – от 24 лет и старше. На первый взгляд, эти ответы опровергают ответы, данные на предыдущий вопрос, и можно утверждать, что конфликта нет. Однако эти ответы, как и сам вопрос, также не позволяют понять: а) о каких проблемах идет речь; б) являют-

ся ли эти проблемы, которые подразумевали отвечавшие, конфликтами или хотя бы конфликтогенными; в) ответ «отчасти» необходимо отнести к ответу «да» или к ответу «нет»; г) «отчасти» – это сколько, и что подразумевали под ним респонденты; д) соотносили ли респонденты толкование вопросов и вариантов ответов с конфликтом? Задавая эти и другие аналогичные вопросы исследователю по поводу исследования (в конкретном случае автор статьи задает эти вопросы и себе как участнику цитируемого исследования), мы выходим на необходимость использования «новых правил социологического метода», сформулированных Э. Гидденсом⁹. Гидденс обращает внимание на то, что в социальных науках существует практика «рассматривать вселенные смыслы как самодостаточные или непосредственные», что не позволяет «заниматься проблемами вариации значений»¹⁰. При описании и объяснении членами общества своих действий, – пишет Гидденс, – «неясными остаются две вещи: как человек начинает анализировать преобразования форм жизни с течением времени и как правила, направляющие одну форму жизни, должны быть связаны с правилами, направляющими другие формы жизни или как они могут быть выражены в понятиях правил других форм жизни»¹¹.

Межпоколенные взаимодействия относятся к всеохватному и всепроникающему виду взаимодействий и отношений, как уже говорилось. Межпоколенные взаимодействия пронизывают всю систему социаль-

⁹ Гидденс Э. Новые правила социологического метода / пер. с англ., фр., нем., итал.; сост. и общ. ред. С.П. Биньковской // Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 2. – С. 281–318.

¹⁰ Там же. – С. 289.

¹¹ Там же. – С. 288.

ных связей и взаимодействий, так как каждый человек одновременно и постоянно является представителем разных поколений в зависимости от точки отсчета того или иного поколения и независимо от нее. Межпоколенные отношения есть повсюду: в семье, трудовом коллективе, транспорте, магазине, парке, на стадионе и т. д. Даже в среде сверстников каждый ее член, хотя и позиционирует себя как представитель этой группы, может это сделать лишь постольку, поскольку осознает свою ситуативную отстраненность от представителей других возрастных групп, поколений и неважно, как терминологически они названы.

Рассмотрим ответы респондентов еще на один вопрос: «Хотели бы Вы усвоить опыт старшего поколения?». Смысловую нагрузку этого вопроса можно интерпретировать по-разному. В рамках поставленной проблемы рассмотрим этот вопрос следующим образом. Если есть конфликт поколений, то с точки зрения конфликтной парадигмы конфликтогенный характер носят, прежде всего, ценности. Опыт старшего поколения – это всегда аккумуляция чего-то свершившегося, важного, ценного, значимого (содержание и степень этой значимости и ценности варьируются в различных социальных группах). При наличии конфликта поколений, надо полагать, уходящий опыт приходит в противоречие с появившимся или появляющимся опытом. И тогда естественно отрицание уходящего опыта. Но обратимся к ответам респондентов. Итак, не хотели бы усвоить опыт старшего поколения только 7 % молодых людей в возрасте до 24 лет и 8 % – от 24 лет и старше. Хотели бы полностью усвоить опыт старшего поколения 42 % молодых людей от 16 до 23 лет и 36 % – от 24 до 32 лет, частично усвоить – 50 % и 55 % со-

ответственно, суммарные положительные ответы составляют соответственно 92 % и 91 %. Ответы на этот вопрос существенно разнятся с ответами на предыдущий. Более половины респондентов ответили, что конфликт есть, но при этом большая часть хотела бы усвоить опыт старшего поколения. Что это – противоречие? Думается, что нет. Прежде всего, конфликт не означает, что его причина в том, что молодежь не хочет усваивать опыт старших поколений, хотя представители конфликтной парадигмы стремятся именно это подчеркнуть. Далее, в этих ответах нет однозначного понимания того, что считать опытом старшего поколения и что конкретно (если это вообще можно сформулировать) они хотели бы усвоить. С другой стороны, формулировка вопроса содержит подтекст, который, подразумевается, считывается всеми одинаково: усваивать можно только положительный опыт. Но вот тут возникает серьезное препятствие для такой интерпретации. Так хочется думать. Но так ли это на самом деле, мы не можем ответить, опираясь только на результаты количественных данных.

В ходе исследования молодым людям было предложено поставить оценку историческому опыту старшего поколения по пятибалльной шкале. «Хорошо» поставили 43 % молодых людей в возрасте до 24 лет и 36 % – старше 24 лет; «отлично» – соответственно 26 и 28 %. Суммарно оценку «хорошо» и «отлично» поставили 69 % молодых людей до 24 лет и 64 % – старше 24 лет. Что значат эти оценки? Признание опыта? Тогда если опыт признается, то он вряд ли отвергается и правомерно ли тогда говорить о наличии конфликта поколений в обществе? Но какой опыт признается? Что понимается под опытом? Или же молодежь естественным образом отчужда-

ется от исторического опыта и возникает естественная потребность в преемственности? Чем обоснована и обеспечена эта потребность? Не сталкиваемся ли мы в подобных ответах с таким феноменом, о котором пишет Д. Тернер со ссылкой на Гарфинкеля: «индивиды усердно стараются «восстановить» чувство общности опыта, переживаний и принадлежности к одному миру»? Ответы показывают, что респонденты (молодые люди) испытывают потребность в усвоении опыта, который они оценивают достаточно высоко. Почему этот опыт необходим? Зачем этот опыт, если он не может быть применим к новым условиям и тем самым может порождать конфликтную ситуацию или даже конфликт? Что происходит, если нет ощущения естественной преемственности? Вновь обратимся к цитируемому источнику. «Когда индивиды не могут сохранить чувство общей с другими вселенной, их тревога растет; чувство доверия, столь необходимое для онтологической безопасности, подорвано...»¹². Опыт старших поколений ценен не утилитарно, он ценен сам по себе, – считает молодежь. Так ли считает и старшее поколение? Конфликтная парадигма апеллирует к тому, что старшее поколение всегда озабочено тем, что его опыт отвергается или, в крайнем случае, им пренебрегают переходящие поколения.

Опыт старших поколений ценен и значим. Но его «фактическая» (термин Тернера) значимость и ценность имеют место только в тех условиях, в которых он возможен. Однако именно опыт старших поколений создает те условия, в которых он с течением времени естественным образом утрачивает свое «фактическое» значение, а потребность в «фактичности» сохраняется, так как она

¹² Тернер Дж. Указ. соч. – С. 216.

[потребность] «есть мощная мотивационная сила во взаимодействии людей»¹³. Так, старшее поколение, читая книги при керосиновой лампе, создавало электричество, а создав его, стало создавать цифровые технологии. В этой ситуации обвинять молодые поколения, что они не сидят с книгой при керосиновой лампе, вряд ли кто решится. Но в процессе создания технологических инноваций изменилась не только техническая технология, но также и социальная, а вернее, изменились конфигурации как способы взаимодействия и передачи опыта от поколения к поколению. Эти изменения порождаются в ходе естественной смены поколений, которые происходят не изолированно от всего многообразия социальных взаимодействий, но вместе с ними. Происходит определенный социальный парадокс: старшие поколения, создавая опыт, самоотчуждаются от него, так как он создается в реальном времени, но предназначен, как правило, будущему. «Будущее» в виде новых поколений приходит, но созданный предыдущими поколениями опыт уже изменил условия, а новые условия порождают новые опыты. И происходит следующее. Молодое поколение принимает этот опыт. Но в новых, вернее – постоянно изменяющихся условиях, которые представляют собой не только технико-технологические изменения, но и многообразные социальные конфигурации, порожденные всем многообразием социальных связей, отношений, зависимостей, действий и их материализованными и нематериализованными результатами, опыт утрачивает свою утилитарную ценность, а новый еще только нарабатывается. Тогда опыт – овеществленный и неовеществленный, технико-технологический и социально-ментальный – должен пройти

¹³ Там же.

и проходит осмысление, переосмысление, адаптацию, модификацию, отрицание как прежнюю практику, сохранение как артефакт, запоминание как ментальный образ, замысел нового, его апробацию и так далее (безусловно, этот перечень не претендует на полноту и жесткую логику, но все же отражает определенную тенденцию изменения опыта в поколенной динамике).

Вопрос «Можете ли Вы сказать, что ваши деды являются для Вас образцом?» вызвал следующие ответы молодежи: «да» ответили 25 и 26 % респондентов разных возрастных групп, «не во всем» – 47 и 52 %. Немногим более 10 % молодых людей в возрасте до 24 лет и 6 % – 24 лет и старше дали отрицательные ответы. Затруднились ответить соответственно 15 и 13 % респондентов. В целом видим не просто положительную оценку опыта старшего поколения, но и его положительную оценку как образца. Как оценка исторического опыта, так и эта оценка только подтверждают, что конфликт как таковой не выявляется. Тогда что имеют в виду молодые люди, когда говорят, что конфликт между поколениями существует? Что имеют в виду исследователи, когда говорят о конфликте поколений?

Наличие «разрыва» между поколениями (если таковой имеется) проиллюстрируем ответами респондентов на такой вопрос: «Как Вы считаете, у молодежи и старшего поколения общие или разные задачи в обществе?» «Общие» задачи – так считает по 18 % в каждой возрастной группе; «разные» – 30 и 25 % соответственно возрастным группам. Учитывая, что смысловая нагрузка термина «задачи» в определенной степени интерпретируется как ситуативность, тактика, а цель – стратегия, генеральная линия развития, то был предложен такой вариант ответа: «задачи разные,

но цели одни». Этот вариант выбрали 29 и 35 % молодых респондентов. Не задумывались над такой проблемой 22 % молодых людей в возрасте до 24 лет и 20 % – от 24 лет и старше. И в случае ответов на этот вопрос подтверждение конфликта, «разрыва» между поколениями не получает убедительных аргументов.

Что же тогда хочет сказать молодежь, когда говорит (или за нее говорят), что конфликт между поколениями существует? Позволим дать некоторые предположения и проиллюстрируем их также ответами респондентов на вопрос: «Чтобы молодежь жила хорошо, чему старшие должны ее научить?» Ответы были следующие (вначале приводятся ответы молодых людей в возрасте от 16 до 23 лет, затем – от 24 до 32 лет): строить отношения (49 и 56 %), воспитывать детей (51 и 50 %), уметь зарабатывать деньги (49 и 45 %), любить Отчизну (42 и 45 %), защищать Родину, народ (39 и 43 %), управлять страной (28 и 29 %). Хотелось бы подчеркнуть, что все эти сферы характеризуют деятельность (действия – по Гидденсу) сторону жизни человека и общества и требуют активного постоянного взаимодействия разных поколений, иначе этот опыт не появится, не будет передан и воспринят.

Сохранение и появление новых культурных форм жизни возможно, если есть понимание как «*онтологическое условие жизни человека в обществе как таковом*» [выделено курсивом Э. Гидденсом]. «Понимание того, что делает человек, становится возможным только при условии понимания, т. е. способности описать, того, что делают другие, и наоборот»¹⁴. Рассмотрим ответы молодых людей на вопрос: «Часто ли взрослые могут понять проблемы молодежи?» «Часто»

¹⁴ Гидденс Э. Указ. соч. – С. 290–291.

ответили 31 % молодых людей в возрасте до 24 лет и 32 % – от 24 лет и старше, соответственно 49 и 52 % молодежи считают, что взрослые могут «иногда» понять молодежь. Лишь 15 и 11 % соответственно ответили, что старшие могут понимать молодежь «редко». Проблема понимания – одна из сложных и в социальной практике, и в науке. Язык, будучи символической системой, является и «средством практической социальной деятельности». Однако не хотелось бы однозначно толковать ответы молодых людей. Чтобы утверждать, что понимание/непонимание существует между поколениями, только этих данных недостаточно. Необходимо сравнение с данными, полученными у разных поколений. Практическая деятельность как «производство смысла» возможна только в коммуникативных актах. А «смысл в коммуникативных актах, каким его производят обычные действующие люди, нельзя уловить просто в лингвистических терминах, точно так же, как не может быть оно переведено и в термины формальной логики, которая не обращает никакого внимания на контекстуальную зависимость»¹⁵

Характеристика поколений, межпоколенных отношений и взаимодействий, их интерпретация с позиции конфликтной парадигмы, основанная на изучении молодежи и молодежной субкультуры, не дают оснований говорить о конфликте, так как не ясно, кто с кем конфликтует, кто являются субъектами конфликта и являются ли они таковыми. Например, описание и анализ субкультуры современных панков или гопников без анализа и взаимосвязи их с предыдущими молодежными субкультурами 60–70-х годов (т. е. поколением родителей) является лишь частной иллюстрацией

¹⁵ Гидденс Э. Указ. соч. – С. 291.

многообразия индивидуальных взаимодействий в социальной мозаике. Или рост молодежной преступности, наркомании без взаимосвязанного анализа аналогичных явлений в поколениях родителей и прародителей иллюстрирует не масштабы «сегодняшних» проблем, а мощные поколенные корни, глубину и масштабы этих проблем в предыдущих поколениях.

В этом отношении представляется не только интересной, но и чрезвычайно важной для дальнейших социологических исследований работа А.А. Лиханова «Преддетство»¹⁶, в которой автор не только предпринял попытку дать определение столь уникальному социальному явлению, как «преддетство», но и предложил основные внешние и внутренние факторы, предпосылки, условия преддетства. Все они – производные от различных видов социальных и социетальных взаимоотношений, которые порождают ту или иную ценность и значимость ребенка и детства в том или ином обществе. Сегодня новое поколение (днтя) самим фактом рождения, даже самим замыслом его зачатия, воспринимается как определенное препятствие для предыдущего. Нередко от молодых людей (юношей и девушек) можно услышать типичную фразу «нам хоть бы себя прокормить». Но в этой фразе – не фактический голод и не недостаток, а страх, что с кем-то надо делиться своей жизнью. Это ли не конфликт! Но это и не межпоколенный конфликт! И порожден он не молодым поколением. Это старшее поколение породило такое явление, как «война против нерожденных», «многовариантность трагического преддетства»¹⁷, которое обусловлено тем,

¹⁶ Лиханов А.А. Преддетство // Избранные лекции Университета. – Вып. 65. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007. – 84 с.

¹⁷ Там же. – С. 51.

что «мысли о праве ребенка на жизнь, как и вообще мысли о любом детском праве» до XX века просто не возникали.¹⁸ До сих пор ребенок остается предметом торга, насилия, жестокости или спора о его правах. В этих условиях правомерно ли говорить о конфликте поколений? Это не межпоколенный конфликт. Это тысячелетиями повторяющиеся факты дезорганизации системы социальных отношений, которые всегда совершаются старшим (родительским, предыдущим) поколением, а затем воспроизводятся в новых поколениях. Если уж и использовать терминологию конфликтной парадигмы, то следует ставить вопрос о непреходящем протесте молодого поколения (поколение рассматриваем как форму социальной организации) против дезорганизации системы социальных отношений, которая, несмотря на то что обладает всеми признаками устойчивости и интегративности, с ростом индивидуально-группового многообразия порождает и увеличивающееся множество форм и способов дезорганизации.

Если считать межпоколенные взаимодействия и отношения одной из систем социальных отношений, то их понимание невозможно без методологического подхода, предложенного Н. Луманом¹⁹. Во-первых, каждое поколение по отношению друг к другу является наблюдателем. Наблюдение позволяет отбирать, усваивать и передавать социокультурные образцы, которые позволяют делать межпоколенную и внутрипоколенную системы устойчивыми. Наблюдение показывает дезорганизующие элементы, структуры, формы, содержание, и поэтому они объективно должны отвергаться и

отвергаются. Взаимонаблюдение является одним из механизмов интеграции разных поколений: наблюдателю нужен объект наблюдения, возникает взаимная потребность друг в друге. Во-вторых, «...каждая система создает свои собственные структуры», предпочтения, лексику, коммуникационные системы. «При этом система получает раздражающие импульсы от своих собственных структур, становится в ограниченном смысле способной реагировать и благодаря этому может идти своим собственным путем, который не предзадан никакими культурными предписаниями»²⁰. Это положение напрямую относится к каждому поколению независимо от того, как оно определяется: генерация, когорта, социальная организация и т. п. В любой структурной композиции поколения наблюдают за поколениями, дифференцируя и не дифференцируя каждое из них. В-третьих, согласно Луману, «окружающий мир может разрушить систему»²¹. По отношению к детству и молодости весь взрослый (старший) мир является внешним, окружающим. В этот мир включены многие факторы, условия, предписания, образцы, смыслы. Каждое поколение является системой социальных интеракций и отношений. Между поколениями образуются сложные «структурные сопряженности» (Матурана, Луман). Сопряженность, являясь двусторонней формой, избирательна: «что-то в нее включается, что-то исключается». Исключаемое из системы может оказывать на нее деструктивное воздействие. Структурная же сопряженность содержит возможности, «которые система может использовать, преобразуя их в информацию»²². В-четвертых, понимание

¹⁸ Там же. – С. 53.

¹⁹ Луман Н. Введение в системную теорию / под ред. Дирка Беккера; пер. с нем. К. Тимофеева. – М.: Логос, 2007. – 360 с.

²⁰ Там же. – С. 141.

²¹ Там же. – С. 124.

²² Там же. – С. 125–126.

межпоколенного взаимодействия важно для разрешения проблем, которые в исследованиях часто называются «конфликтами», но которые прежде всего волнуют не как конфликт как таковой, а как угроза смены идентичности. Понимание и эмпирическое измерение смены идентичности поколения и межпоколенных взаимодействий возможно только при наличии критериев социальной системы.

В социологическом дискурсе «поколение» может быть познано как система взаимосвязанных и взаимозависимых интеракций (взаимодействий). Эта зависимость проявляется и в конкретном взаимодействии, и в восприятии прошлого опыта, и в прогнозировании и проектировании будущего опыта. В интерпретации Н. Элиаса эту систему можно рассматривать как фигурацию, которая отражает структурно, функционально и содержательно «социетальное сообщество и его среды»²³. Множественность и многомерность подсистем, функций, внутренних и внешних сред, систем действий и систем социальных взаимодействий позволяет говорить о формировании нового типа культуры – полифигуративного. Поколение как социальный феномен отражает эту полифигуративность, являясь не только фиксируемой социальной материей, но и социальной организацией и обладает всеми системными свойствами, часть которых была описана выше, но и процессными признаками: неравномерностью и негомогенностью (гетерогенностью), непреднамеренностью действий и последствий, динамичностью, пластичностью, изменчивостью, сменяемостью, дискретностью, интегративностью, фигуративностью.

²³ Луман Н. Указ. соч. – С. 9.

Не принимая во внимание эти особенности и признаки, невозможно адекватно интерпретировать содержание, формы, значение межпоколенных взаимодействий. Таким образом, социологическая интерпретация и операционализация поколения и межпоколенных взаимодействий выходит в разряд задач общетеоретических исследований. Конфликт поколений можно рассматривать только как одну из форм взаимодействия разных поколений.

Литература

Вершинина Н.Н., Кукса А.П., Михеев С.А., Шурбе В.З. Инновационный потенциал молодежи (на примере Новосибирской области): Альбом социологической информации: Отчет по результатам 1-го этапа социологического исследования по заказу Управления по делам молодежи Новосибирской области. – Новосибирск: ООО «Граунд», 2007. – 414 с.

Вдовина М.В. Регулирование межпоколенческого конфликта в российской семье: монография. – М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2009. – 244 с.

Гидденс Э. Новые правила социологического метода / пер. с англ., фр., нем., итал.; сост. и общ. ред. С.П. Биньковской // Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 2. – С. 281–318.

Затесоцкий А.С. Отцы и дети: конфликт поколений. Социализация. Молодежная субкультура. – СПб.: СПбГУП, 2006. – 64 с.

Затесоцкий А.С. Отцы и дети: проблемы взаимоотношений. – СПб.: СПбГУП, 2004. – 36 с.

Коллинз Р. Социология: наука или антинаука? / пер. с англ., фр., нем., итал.; сост. и общ. ред. С.П. Биньковской // Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 2. – С. 245–280.

Лиханов А.А. Преддетство // Избранные лекции Университета. – Вып. 65. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007. – 84 с.

Луман Н. Введение в системную теорию / под ред. Дирка Беккера; пер. с нем. К. Тимофеева. – М.: Логос, 2007. – 360 с.

Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / пер. с англ., фр., нем., итал.; сост. и общ. ред. С.П. Биньковской // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 2. – С. 3–42.

Тернер Дж. Аналитическое теоретизирование / пер. с англ., фр., нем., итал.; сост. и общ. ред. С.П. Биньковской // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 2. – С. 194–244.

Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. – М.; СПб.: Университетская книга. – 2001. – 332 с.